

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ КАРА-КУЛЯ

Не знаю, появится ли когда-нибудь развернутая биография Кара-Куля, которая

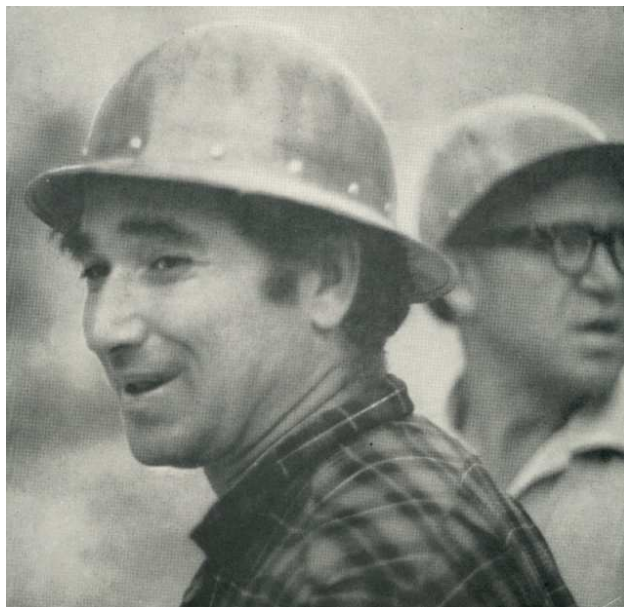
включала бы не только сложные технические подробности, касающиеся строительства Нарынского гидроэнергокаскада, но и простые биографии людей, взявшихся за осуществление этих грандиозных планов. Увы, проделанная ими кропотливая работа в итоге оказалась никому не нужной, а сами они в лучшем случае покинули этот край, обжитый ими от первой палатки, в худшем – остались в нем прозябать, наблюдая за тем, как день ото дня рушатся или обрастают мхом забвения плоды их тяжелых трудов.

И пусть прозвучит кощунственно то, что я собираюсь сейчас сказать, но и молчать было бы с моей стороны непорядочно: очень

хорошо, что всего этого развала не видит ни один из тех, кому Кара-Куль обязан был своей славой: ни Зосим Львович Серый, ни Петр Федорович Шинко, ни Казбек Бексултанович Хуриев – светлая, вечная им память!..

И я рад, что этого не видит ныне живущий Вячеслав Прокопьевич Добротворский, о котором в Кара-Куле слагали легенды. Важная деталь: каждое слово в этих легендах было правдой.

Не время и не место здесь пускаться в подробности наших с ним встреч и разговоров – интересующихся могу адресовать к своей книжке «Не время ждать отбоя», небольшой по объему, впервые изданной в 1980 году и ровно 10 лет спустя, на волне перестройки, выпущенной вторым изданием (в обоих случаях – издательство «Киргизстан»). Вкратце о нем уже написала на сайте <http://karakulcy.narod.ru> ваша землячка Мара Иванова, и в ее заметку

вкралась единственная неточность: Добротворский родился в марте 1922, а не 1924 года, ему скоро должно исполниться 86 лет. Он живет-поживает в поселке Щелкино на Крымском полуострове, где строилась (да так и не достроилась) Крымская атомная электростанция. Там он, как когда-то в Каракуле, командовал транспортом. Пытался устроить быт водителей хотя бы отдаленно похожим на тот, что был в Кара-Куле, но ему быстро дали понять, что «здесь не Киргизия», здесь начальник должен думать «о производстве, а не о людях – они в состоянии сами о себе позаботиться...»

Примерно раз в месяц я ему звоню, мы вспоминаем каракульские времена, и в этих воспоминаниях мешается радостное с грустным. Второго, к сожалению, больше.

Попробую сжато, в самых скупых эпизодах рассказать о том, что много лет назад привело меня в Кара-Куль, навсегда связав

узлами памяти с этим удивительным краем и такими же удивительными людьми, о которых могу говорить часами.

Начиная с 1967 года меня, в ту пору - сотрудника Киргизского радио и телевидения - часто командировали в Кара-Куль для подготовки репортажей о ходе строительства Токтогульской ГЭС. Беседовал с рабочими, инженерами и мастерами, записывал эти

беседы на портативный магнитофон, а возвращаясь во Фрунзе - рассказывал в эфире обо всем увиденном и услышанном. Дважды мне давал интервью начальник Управления строительства НарынГЭС Зосим Львович Серый, подробно вводил в курс дела на стройке

заместитель Серого по кадрам и быту Петр Федорович Шинко (для нас, журналистов, он был папой и мамой, так как всегда помогал с устройством в гостиницу, выручал транспортом, когда нам нужно было попасть на створ), не отказывались от встреч со мной и другие руководители подразделений НарынГЭС. И когда в 1970 году мой главный редактор отправил меня в очередную командировку, поручив привезти записанное на пленку интервью с Казбеком Бексултановичем Хуриевым, начальником Управления основных сооружений, которое строило плотину "Токтогулки", я приехал в Кара-Куль как свой человек, для которого все двери открыты. Оказалось - все, да не все. Хуриева я обхаживал несколько дней, а он заявлял через свою секретаршу, что у него нет времени на разговоры. В течение двух рабочих дней я гонялся за ним то в контору УОС, то прямо на створ, в открытую мозолил ему глаза, результат - ноль. На третий день, в очередной раз

приехав на створ, я попросил мастера участка Сашу Панькова (он со временем стал

большой шишкой, председателем горисполкома), чтобы замолвил за меня полсловечка перед Хуриевым: дескать, журналист приехал за 400 км, обидно ему возвращаться с пустыми руками. Паньков на моих глазах подошел к Хуриеву, о чем-то с ним поговорил, вернулся и

сообщил мне, что Казбек Бексултанович "не любит вашего брата-журналиста за то, что вы приезжаете на стройку в белых перчаточках, интересуетесь цифрами выполнения плана да именами передовиков, и не в состоянии понять, насколько тяжел труд гидростроителя ..."

Выслушав Панькова, я сказал самому себе, что Хуриев прав. Вернулся во Фрунзе, тут же оформил трудовой отпуск и три дня спустя снова был в Кара-Куле, имея в рюкзаке магнитофон с большим запасом пленки, старые брюки, свитер и резиновые сапоги. Пришел в кабинет к Шинко, передал ему слова Хуриева и попросил, чтобы он направил меня временно, сроком на месяц, разнорабочим на строительстве плотины ГЭС. Получил на заявлении резолюцию Шинко, заявился к Хуриеву в кабинет. Он меня, конечно, узнал, но виду не подал, только спросил: "Что, решили быть поближе к народу?" Я ответил: да, именно так. И был направлен в бригаду Сеяра Феттаева, где мне сначала дали лопату и ведро и поручили убирать воду, вытекавшую из-под свежего бетона, а через недельку, убедившись, что я не филон, доверили рычаги электробульдозера с навесным пакетом вибраторов и поручили «прорабатывать» (в смысле - уплотнять) бетон. Этой работе при желании можно было обучить медведя, но я ею гордился и в течение смены чувствовал себя знатным механизатором. Жил я в общежитии на 7-й площадке (мне там выделили отдельную комнату, чтобы я мог туда после работы приглашать людей для

интервью, а также ради безопасности моей аппаратуры). Вечерами я напрашивался в гости к кому-нибудь из бригады, прихватывал с собой магнитофон, и пока мы пили чай (а иногда кое-что покрепче), расспрашивал хозяев об их работе, о жите-бытье, записывал эти

беседы на пленку. Впоследствии эти записи стали основой для радио- и телеочерков. Прошла еще неделя. Однажды компрессорную остановили на профилактику, на створе было непривычно тихо, я курил, сидя на перевернутом ведре, ко мне подошел Хуриев и спросил своим тихим голосом: "У вас были ко мне вопросы - они

еще есть?" Я ответил: да, есть. Он сказал: "Ну, заходите вечерком ко мне в кабинет". Я вернулся с бригадой в общежитие, взял магнитофон, к 7 часам вечера автобусом добрался в контору УОСа, где мы часа два проговорили с Хуриевым. Он оказался прекрасным рассказчиком, ответил на все мои вопросы. Но это вовсе не значит, что он стал меня как-то особо выделять, - напротив, последующие пять-шесть лет, что я регулярно ездил в Кара-Куль, он, встречаясь со мной, лишь кивал издали - и только.

Первый мой рабочий опыт мне понравился настолько, что я решил его повторить, и в 1971 году устроился временным разнорабочим на строительство здания ГЭС, в бригаду Ислама Хамдамова. А в 1972-м, когда началась прокладка ЛЭП-500, меня приняли в мехколонну-38. Начальник МК-38 Тарасян (имя, к сожалению, забыл) направил меня в бригаду Михаила Калмыкова - классного монтажника, который объехал пол-Союза, не боялся ни бога, ни черта, и только один человек мог заставить его понизить голос до шепота - его жена. Ну, а в 1973-м, уже будучи знакомым с Добротворским, я напросился на работу в ремонтный цех АТПО, там общался с водителями и слесарями, записывал разговоры с ними на магнитофон. О книжке я тогда не думал, свои впечатления озвучивал только по радио и телевидению, а также печатал очерки в журнале "Литературный Киргизстан". А в 1978 году предложил издательству рукопись книги о "хозяйстве Добротворского" - небольшую, объемом в 5 печатных листов. Мне ее сначала тормозили, потом вообще вернули, и лишь в 1980 году с большим скрипом и даже скандалом - издали. Ну, а десять лет спустя, как я уже писал выше, решено было ее переиздать с дополнениями и поправками на изменившиеся времена.

Похоже, я чересчур увлекся рассказом о «делах минувших дней». Пора и другим дать возможность высказаться. Буду рад получить отклик на свои скромные заметки, ответить на вопросы, если появятся.

Но самая большая моя радость - от того, что эти заметки как бы снова ввели меня в семью кара-кульцев, пусть и виртуальную, и не равную мне по прожитым годам, но от этого не менее дорогую. В конце концов, все мы - родом из этого города: ведь где бы и когда бы мы ни родились физически - сердцем каждый из нас ощущает себя жителем Кара-Куля, даже если сегодня нас отделяют от него многие тысячи километров.

Валерий САНДЛЕР, журналист, бывший сотрудник Киргизского радио и телевидения, газеты «Вечерний Фрунзе» и журнала «Литературный Киргизстан», в эмиграции, – редактор отдела информации старейшей зарубежной газеты «Новое русское слово» (1992 – 2004 г.). В настоящее время – пенсионер, живу в городе Новай, штат Мичиган, США.